

ДОМЕНИКО ДАРА

Краткий трактат о совпадениях

МОСКВА

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
Д20

Domenico Dara
BREVE TRATTATO SULLE COINCIDENZE

Перевод с итальянского Елены Дмитриевой
Дизайн обложки Андрея Саукова

- Дара Д.
Д20 Краткий трактат о совпадениях : роман / Доменико Дара ; [пер. с ит. Е. Дмитриевой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2027. — 432 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-30082-8

«Краткий трактат о совпадениях» — это вдохновляющая ода писательству и его способности изменять ход человеческих судеб, больших и малых. А еще это очень трогательная, теплая история про маленького человека и городок, забытый на карте.

1969 год. Человек собирается высадиться на Луну, а в итальянском городке Джирифалько, кажется, ничего не изменилось. По дремлющим улицам бродит почтальон, кроткий и одинокий мужчина. Да, ему не повезло — он не познал любовь. Но зато почтальон умеет мастерски подделывать почерк. Поддавшись соблазну, он взял в привычку открывать чужие письма, копировать их, запечатывать и доставлять адресату.

Однажды в руки почтальона попадает анонимное послание, не на шутку его растревожившее. И теперь он покидает свое положение невидимого зрителя и берет на себя роль вершителя судеб с важной миссией — вытащить любовь из забвения и сорвать мошеннические планы мэра.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-30082-8

Copyright © 2019 by Domenico Dara
Published in Italy by Giangiacomo Feltrinelli Editore, 2025
This edition published by arrangement with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

- © Дмитриева Е. А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2027

1

*О странствующем рыцаре и Луне, о благоухающей
Кармеле, о диалектном поэте Франческо Дзакконе
и о любовном письме, запечатанном от всего сердца*

Коладжицу был сброшен на землю своим ослом. Он возвращался с полей Каннаву и злился больше, чем обычно, а потому почему зря стегал несчастное животное веткой дрока. Осел терпел, ревел, ковылял из последних сил, но как только Коладжицу вознамерился ударить его по тому боку, который накануне был оцарапан колючкой, животное тут же встало как вкопанное. Коладжицу, разгневанный и расстроенный из-за того, что Рокко Пирру украл у него воду, начал подпрыгивать на спине осла, чтобы сдвинуть того с места, но чем больше он хлестал животное, тем более горделивой становилась осанка осла. Его объегорил Пирру, жена наверняка припасла для него жалобы к его возвращению, так еще и осел выставил его на посмеище прямо на главной площади — и он, надеясь одним движением отогнать рой мыслей, которые обременяли его разум, поднял руку и сильно ударил хлыстом по и так уже больному боку несчастного животного. Наступила

полная тишина: немногочисленные зеваки, видевшие это, подумали, что он убил беднягу, но осел, замерев на несколько секунд, как каменный лев у ратуши, продолжил идти, отмечая свой путь крошечными каплями крови.

— Я тут главный, а ты будешь меня слушаться, — гордо сказал мужчина, но это была временная победа. Дойдя до середины Площади, прямо перед лицом горожан, осел внезапно сбросил с себя Коладжицу, и тот упал на землю, как переспелая груша. Все смеялись, показывали на него пальцами и дразнили. Все, кроме трех человек: Франко Мендичиза (приятеля бедолаги, который бросился ему на помощь), Пепе Марденте (которого безжалостная судьба лишила зрения) и синьора с тяжелой сумкой на плече, который никогда не смеялся над несчастьями других и который увидел в падении Коладжицу воплощение того, что он написал несколько дней тому назад:

Мы живем с уверенностью, что контролируем мир и нашу жизнь, но достаточно одного непредвиденного события, чтобы разрушить нашу иллюзию. Все равно, что ездить верхом: мы думаем, что управляем животным поводьями, но стоит только мышке пробежать рядом, как лошадь сбрасывает нас на землю.

Чего стоят наши убеждения, если даже маленькое животное может их разрушить?

Если мы не так уж плохо живем, то это не благодаря нашему мастерству, а благодаря храбрости лошади и великодушию мышки.

Деревенский почтальон был одиноким, скромным человеком, который сочетал в себе любовь к мудрым мыслям и страсть к любовным письмам. Он узнавал их, не открывая, словно на конверте отпечатывался след влюбленных. За свою жизнь он перевидал их немало: изящные, фальшивые, написанные на обратной стороне листовки для голосования или на куске туалетной бумаги, на странице, вырванной из книги, или на испачканной мукой пекарской бумаге. Любовные письма, от которых все превращаются в поэтов и которые не дают уснуть, волшебные любовные письма, которые повторяют одно и то же, но всегда разными словами, аккуратно выведенными, словно бы несовершенство почерка намного страшнее, чем самый грозный соперник. Любовные письма, которые он вскрывал очень осторожно и в самую последнюю очередь...

За три с половиной часа до капитуляции Колладжицу почтальон вытащил все письма из своей почтовой сумки, чтобы разложить их в порядке доставки. Перед ним лежала не куча бумаги, а сборник человеческих чувств: несбыточные мечты, нереализованные желания, пустые обещания, заявления, оскорбления, воспоминания, ностальгия, надежды, написанные в одиночестве слова, которые с его помощью добирались до пункта назначения. Он был невероятно горд тем, что является заключительным и решающим этапом в исполнении судьбы.

В то утро, почти в самом конце сортировки писем, у него в руках оказался необычный конверт. Он был сделан из плотной бумаги и запечатан красной сургучной печатью с буквой S. Раньше

он никогда не видел подобных писем и, сгорая от любопытства и нетерпения, он поскорее положил его во внутренний карман сумки. Он надел фуражку и пошел своим обычным маршрутом.

Когда он решил работать почтальоном, то не думал, что эта работа, не требующая ни особого умения, ни призвания, настолько приблизит его к секретам людей. Теперь он старался выполнять ее наилучшим образом. Чтобы быть почтальоном, недостаточно иметь сильные ноги и крепкие плечи: нужно угадывать содержание писем и знать характеры людей, а еще находить баланс: подбирать правильные слова, опаздывать, торопиться, улыбаться, отвлекать... Он заботился о каждой мелочи: например, если он должен быть доставить признание в любви отсутствующему адресату, он засовывал письмо в щель двери, повыше, на самое видное место, чтобы этот счастливчик мог спокойно дотянуться до письма и сорвать его, как яблоко с дерева. Если, наоборот, это было прощальное письмо, наполненное грустью, он поступал с ним так же, как с извещениями о смерти: засовывал под дверь, надеясь, что адресат, входя в дом, наступит на письмо и оставит на нем отпечаток подошвы, как предупреждение об унынии и отчаянии.

Почтальон из городка Джирифалько был достойным представителем профессии, чья длинная и почетная история восходила к самому Гермесу, убийце Аргуса, *deorum nuntium*¹, сыну Зевса, проныцательному вестнику. Этот бог удачи, надевая

¹ *Deorum nuntium* — посланник богов. (лат.)

золотые крылатые сандалии, проносился над морем, как чайка, ловящая рыбу, и завораживал людей своим жезлом. И вот почтальон шел по своему обычному, ежедневному маршруту и, здороваясь, прощаясь и разнося письма, думал о Луне.

Это было 7 апреля 1969 года. Почтальон прочитал в газете, что американцы скоро высадятся на Луну. Он посмотрел на небо: может быть, через много-много лет почтальоны будут доставлять почту и туда, наверх... А вот Джованнуццу о путешествии на Луну ничего не знал. Он давно был прикован к инвалидной коляске после полиомиелита, а потому все время проводил на балконе, чтобы смотреть на людей сверху: вынужденный сидеть всю свою жизнь, он предпочел обитать на втором этаже, откуда мог смотреть на мир с того ракурса, который больше ему не принадлежал, наполняя пустой мешок своего существования осколками чужих жизней, которые он похищал с высоты своего наблюдательного пункта: ссоры, предательства, страсти, лица и дорожные происшествия были его прошлой, настоящей и будущей жизнью. Его мир состоял только из того, что он мог видеть.

— Вы слышали, что мы высаживаемся на Луну, Джованнуццу?

Почтальон всем рассказывал о предстоящей высадке на Луну и был похож на Заратустру, который спустился к людям с горы, чтобы открыть им правду, но вместо старца почтальон встретил Каррубу, расклейщика афиш, с неизменной зубочисткой во рту, который развешивал плакаты Христианско-демократической партии. Безмятежное время по-

дошло к концу: Джирифалько, который в остальное время впадал в спячку, просыпался только из-за землетрясений и муниципальных выборов. К счастью, землетрясения не происходили каждые четыре года.

Поэтому, решив насладиться одним из последних спокойных дней, почтальон вернулся к мыслям о Луне и, когда он подходил к концу улицы Петрарки, то решил, что необязательно лететь в космос, чтобы увидеть ее. Достаточно около девяти часов утра прогуляться там, где благоухающая Кармела без нижнего белья развешивала на своем балконе постиранную одежду, и поймать момент, когда она тянется к веревкам, а ее юбка ложится на перила балкона, открывая такой вид, от которого захватывает дух. Когда он был мальчишкой, Кармела жила в доме напротив, и именно тогда он влюбился в ее загорелое тело, прозрачные сарафаны, кружевные трусы, висящие на веревке для просушки — его тайный объект вожделения. Он специально проходил внизу, пока с них еще капала вода, чтобы капельки упали ему в рот, а он наслаждался этим и фантазировал об источнике этих струй. Кармела, несмотря на свой возраст, была Желанием, Счастьем, воплощением всех женщин мира в одном теле — вот почему не обязательно было лететь на Луну, чтобы почувствовать себя властелином Вселенной. Достаточно пойти на улицу Петрарки, дом 23, подняться на девятнадцать ступенек и найти ее в постели, обнаженную и щедрую.

Позже в тот же день, дома, он вынул письма из сумки и начал свою ежедневную секретную дея-

тельность: он вскрывал их, читал, переписывал и возвращал в конверты. Верный детской привычке оставлять самую вкусную конфету напоследок, так же он поступил и с письмом, закрытым печатью. Он внимательно осмотрел его со всех сторон. Оно было адресовано Марии Миляцце, улица Вазиа, 12, город Жирифалько, провинция Катандзаро. Он удивился, что почерк так похож на его собственный. Мария Миляцца, второй ребенок в семье из пяти сестер и двух братьев, дочь фельдшера Пеппино и женщины по имени Розинуцца. Мария не была красавицей, и не по своей вине, бедняжка. Мало того, что жестокая природа не одарила ее красотой и изяществом, мало того, что старшая сестра сбежала с Винченцо Кампезе в Винтертур и все домашние обязанности легли на плечи Марии, так ко всему прочему ее поразило заболевание крови, из-за которого ее кожа стала бледной и такой чувствительной, что достаточно было просто слегка дотронуться до нее, как сразу же на теле расцветал огромный синяк. Ей никогда не присылали писем, и этот адресованный ей конверт, на вид как из прошлого века, очень заинтриговал почтальона.

Надпись на штампе невозможно было разобрать: он попытался посмотреть на просвет, но бумага была очень плотной. Печать осложняла вскрытие письма: он попытался оторвать ее руками, потом лезвием ножа, но безрезультатно. Тогда он решил сломать ее — раздался сухой треск, словно сломалось что-то живое. Печать разломилась на две аккуратные половинки, так что, соединив части обратно, вновь получалось единое целое. Он открыл конверт:

Дорогая Тереза, если ты гадаешь, где ты уже видела этот почерк, если ты ищешь в кладовой памяти ящичек, в котором ты его спрятала...

Моя Тереза, при звуках твоего имени я все еще дрожу, как лист, моя Тереза, молитва, много лет произносимая шепотом, а теперь наконец сказанная громко, моя Тереза, наконец обретенная на пути, как запоздало выполненное обещание, навсегда!

Ему показалось, что он перенесся назад во времени, в свою короткую поездку в Швейцарию, и держит в руке другое письмо: второй раз в жизни он увидел такой же почерк, как и его собственный, и не мог поверить, что трое людей в этом мире пишут абсолютно одинаково.

Больше никаких подробностей, нет ни подписи, ни обратного адреса, и какое же отношение Тереза имела к Марии Мильяцце? Тайна захватила его.

В первую очередь нужно было найти похожую бумагу, раздобыть сургуч и сделать такую же печать: он соединил вместе две половинки печати, положил сверху лист бумаги и с помощью карандаша перенес рисунок с печати на бумагу. Потом он вышел из дома.

Дзакконе Франческо, выдающийся диалектный поэт, владел единственной типографией в округе. После обеда она обычно была закрыта, но Дзакконе, приятный и дружелюбный человек, был внутри. Почтальон постучал, и сразу же появился поэт с испачканными в чернилах руками. Он был в отличном настроении: накануне ему вручили

особую награду за поэму «*Lu vovulaciu*», «Улитка», и его лицо все еще сияло от этой чести.

— Мой хороший почтальон. Заходите, заходите, — сказал он, закрывая за почтальоном дверь и ведя его в подсобку, — я делаю приглачительные для крестин. Чему обязан такой чести?

— Мне нужна почтовая бумага.

Дзакконе подошел к столу, на котором была навалена гора коробок.

— Мне как раз ее привезли несколько дней назад. Поищите сами, а то я все замараю.

Они завели разговор о политике и поэзии, и через какое-то время почтальон нашел подходящую бумагу.

— Мне бы штук двадцать...

— ...берите, сколько надо. Это заказ адвоката Тулона на фирменные бланки.

Почтальон отсчитал двадцать листов и двадцать конвертов и завернул их в старую листовку.

— А у вас случайно нет еще и сургуча?

Дзакконе был не из тех людей, кто задает лишние вопросы; он отошел от станка, вытер руки о фартук и направился к старому деревянному комоду.

— Может, здесь... — сказал он, доставая бумажный пакет, — красный и черный...

— Я возьму несколько кусочков красного.

— Забирайте весь, мне он ни к чему.

Почтальон взял пакет и спросил типографа:

— Сколько я вам должен?

— Шутите? Ничего с вас не возьму!

Почтальон направился к выходу.

— И еще кое-что, — сказал он, вытаскивая листок, на который он скопировал букву S с печати. — У вас есть такая литера?

Дзакконе внимательно осмотрел рисунок.

— Хорошая загогулина, ничего не скажешь, но вы можете представить ее на похоронном объявлении?

И на том спасибо. Почтальон спросил еще о новом сборнике стихов, потом поблагодарил и ушел. Он нашел бумагу, похожую на ту, на которой было написано письмо, и сургуч: теперь нужно было только раздобыть печать. Возвращаясь домой, он думал, что возможно ему придется съездить в Катандзаро, хотя ему этого не хотелось, но, когда рядом с магазинчиком Альфредуццу он встретил Филумену Чикорию, возвращавшуюся с поля с плетеной корзиной на голове, то с облегчением подумал, что, наверное, можно и не ехать в столицу, а достаточно просто завтра прогуляться до Риганиадду.

2

*О штампе, о мошеннике, который хочет
осквернить гору Монте-Ковелло, и о чужом
письме, которое мог бы написать почтальон*

Рокко Мелина, по прозвищу Черные ногти, жил на небольшой грунтовой дороге, ведущей из Кьезоледды к фонтану Риганиадду.

Такой же, как эта уединенная разбитая дорога, была и нынешняя жизнь Рокко, родившегося в 1899 году. Он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки сразу после того, как закончилась Первая мировая война, жил и в Нью-Йорке, и в Лос-Анджелесе, и даже в Чикаго, пробуя себя во всех возможных профессиях, пока по счастливому стечению обстоятельств он не нашел работу в типографии и благодаря своей нестигаемой силе воли и обучению в вечерней школе наконец смог наладить свою жизнь.

Вернувшись в Италию в 1946 году, он на свои сбережения купил два типографских станка.

Почтальон заглянул в открытую дверь гаража.
— Можно?

Мелина сидел за верстаком спиной к двери рядом с большим окном. В воздухе витал едкий запах чернил: помещение почти полностью было занято типографскими машинами, которые старели вместе со своим хозяином. Пожилой ремесленник был занят своим любимым делом, на что указывала гора стружек рядом с его ногами. В те годы, когда он только начинал свою деятельность, шрифты и штампы были в дефиците, потому приходилось как-то выкручиваться, а поскольку в детстве он помогал в мастерской своему отцу-столяру, то решил сам сделать их из кусочков вереска, из бриара: сначала печатные буквы, потом курсив, а в конце создал шедевр — изображение городского герба с башнями и ястребом. Он никогда не хотел отказываться от древнего ремесла, и, как это часто бывает

с теми, кто не отпускает прошлое, время сделало это за него.

Как и всегда, он проводил свои дни, вырезая на маленьких деревянных кубиках пейзажи, лица, буквы, воспоминания. А потому его мысли всегда были заняты, и он не вспоминал о своем сыне Пьетро, который тоже уехал в Америку, и о своих сожалениях из-за того, что не смог удержать его дома. Он спрятал подальше от глаз первое письмо сына, полное энтузиазма и надежд, написанное после первого года обучения в вечерней школе:

Дорогой папа, я пишу тебе это письмо, чтобы сказать, чтоб ты ко мне приехал, туда, где твой сын, в Америке, потому что в Италии больше нечего делать.

Твой сын хорошо устроился: делаю бизнес в штат-повке, да еще и Почтенный бро (то есть брат) в масонской ложе Мадзини, я даже застраховал свою лайф (то есть жизнь) на десять тысяч шестнадцать долларов.

Я живу в доме на Мурберри-стрит, так называется эта улица, и у меня мач мани. Здесь женщин называют «вуманами», любовь — «лав», бумага — «папер». Если ты хочешь сказать «ты понял?», достаточно произнести: «андерстенд?» Когда у нас случается беда, мы говорим «ай!», а у них «ай» — это «почему», а беда — «траблы». И если тебе скажут «фу-ты!», не обижайся, потому что здесь «футы» — это ноги. А еще нас, калабрийцев, итальянцами кличут.

У окрестных городов такие красивые названия: Лубуккину, Монака, Пишакилли, Каццакилли, Мишик-

ка. Папа мой хороший, работа здесь называется некрасивым словом, которое меня пугает: «уорка». Лопату они называют «шовел», а чтобы спросить «как дела?» говорят: «ватсап?»

Я помню, в детстве, я бегал босой, а Наши и Бифару дразнили меня: будь благословен тот день, когда я, оставив позади слезы и страдания, уехал в эту Свободную страну, а то ж, если б остался, щас был бы в тюрьме. А здесь я зависаю со всякими миссами, с девчонками, ведь американцы не такие ревнивые, как мы, калабрийцы, они простофили: если ты прям на их глазах полапаешь их вайф (то есть жену), то они крикнут тебе «кайф»!

Как только получишь это письмо, хватай скорее паспорт, пиши в Неаполь и заказывай лучшую каюту на корабле, продавай золото и отдавай ключи от дома мэру. А щас я кончаю писать, уезжай со спокойной душой, па, и когда будешь в Новом Свете, телеграфируй мне. Гудбай: об остальном позаботится твой сын. Обнимаю и всегда думаю о тебе.

Пьетро почти месяц сочинял это письмо с помощью своего друга, калабрийского эмигранта Мишеля Пейна, который писал стихи, способные растопить любое сердце. Пересекать Атлантику в семьдесят лет Рокко совсем не улыбалось, он хотел умереть на родине, чтобы упокоиться рядом с женой, и ни одно путешествие через семь морей не стоило вечности рядом с ней. Его единственным земным желанием было получить письмо, пахнущее соленым океаном, которое бы объявило о долгожданном возвращении сына в страну,

пусть даже и на несколько дней, этого бы хватило, чтобы он снова почувствовал себя отцом.

— Можно войти?

Рокко обернулся: смуглая кожа, словно в чернилах, черные ухоженные усы, очки сползли на кончик носа, вместо одной дужки — кусочек проволоки. На нем темный берет и серый рабочий халат.

— Входите, входите.

Он положил на верстак стамеску, снял очки и встал.

— Заработался совсем, вся спина ноет, — сказал он, потирая больное место. — Мне написал кто-то?

Почтальон совсем запомнил, что всегда, когда он приходит в чей-то дом в своей форменной фуражке, то только для того, чтобы доставить почту, вызывая тем самым неожиданный проблеск надежды.

— Извините, нет, мне просто нужна одна услуга...

Разочарование Рокко было настолько очевидным, что почтальон расстроился, что у него совсем ничего нет в сумке, а ведь мог бы вчера вечером, дурачина, сесть за письменный стол и написать долгожданное письмо от Пьетро из Нью-Йорка как благодарность за услугу, о которой он хотел попросить, ничего особенного: *у меня все в порядке, а у тебя как дела? Грустно, что ты так далеко, жду не дождусь, когда мы увидимся, всегда думаю о тебе...* Банальные слова любви, единственное утешение старых родителей, оставшихся в одиночестве.

— Будьте любезны...

— Говорите.

Он вытащил из кармана лист бумаги, на котором вчера нарисовал букву с печати, развернул его и подошел к Рокко.

— Я хотел спросить, не могли бы вы сделать мне вот такой штамп?

Мелина протянул руку: она напоминала губку, оставленную на долгие годы в ванне с чернилами, а потому, когда Рокко взял бумагу, почтальону показалось, что на ней останутся его отпечатки пальцев, и он подумал, что на всем, к чему прикасается Рокко, появляются такие пятна и что распространение по Вселенной маленьких чернильных следов было способом оставить память о своем пребывании на Земле.

Давно уже никто не обращался к нему с такими просьбами: он внимательно осмотрел рисунок, но сначала ему пришлось снова надеть очки. Он завел проволоку за ухо, словно непослушную прядь волос.

— Это можно сделать, — довольным голосом заявил он.

— Скажите, сколько времени это займет?

— Подождите, — ответил он, отходя к верстаку, — дайте мне пару минут.

Он снова сел за верстак. Из потертой плетеной корзины, стоящей слева от стола, он достал кусок деревяшки, поднес его к глазам, покрутил в руках. Кончиком карандаша он нарисовал на самой ровной стороне нужную букву: несколько умелых лаконичных штрихов. Затем зажал дерево в тисках, взял резец с самым тонким лезвием и начал

вырезать. Время от времени он останавливался, чтобы осмотреть работу, иногда менял насадку, чтобы сделать рисунок более четким: замерев, почтальон заворуженно следил за этим человеком, который вырезал каждый день своей жизни на кусочке бриара, и если бы только сложить все эти деревяшки друг на друга, то получилась бы колонна высотой не сильно меньше, чем колонна Траяна.

Прошло несколько минут, которые почтальону показались мгновением, бесконечным мгновением, полным мифов и видений. Рокко Мелина погладил дерево и, довольный, посмотрел на него поближе: он поднес его к губам, дунул и, вытащив из кармана халата тряпку, протер его. Он прижал штамп сначала к подушечке с чернилами, а затем к листу бумаги. Потом он положил два листа рядом и сделал знак молчаливому наблюдателю сравнить буквы: почтальон остался поражен сходством. Он спросил, сколько должен за работу, но старик ответил, чтобы он не смел даже думать об этом и что рано или поздно его услуга окупится сама собой. Почтальон поблагодарил его и ушел, чтобы продолжить свой обход.

Доставлять почту в муниципалитет он не любил, так как в здании мэрии водились такие личности, при одном взгляде на которых возникало такое мерзкое чувство, словно паразиты начинали копошиться на теле. И отвращение только усилилось с тех пор, как ему стало известно о некоем факте. Десятки писем, которые каждый день присылали и отправляли из мэрии, было не осо-

бо приятно читать: отчеты о расходах, политические сообщения, объявления о конкурсах. И вот примерно шесть месяцев назад он, не ожидая ничего интересного, вскрыл письмо мэра:

Уважаемый и достопочтенный Командор Куаттроне, я обращаюсь к Вам по настойчивому указанию Сенатора Миццини, который имел честь познакомиться с Вами в доме строителя Фракацци.

При вышеупомянутой встрече Вы намекнули ему на благородное намерение расширить Ваше предприятие на земли нашего Юга.

Об этом Сенатор сообщил мне после моего настойчивого запроса о начале процесса индустриализации нашей муниципальной территории: растет недовольство из-за отсутствия рабочих мест, что сильно подрывает доверие избирателей к нам, и я хотел бы успокоить эти волнения.

На горе Монте-Ковелло, богатой соснами и елями, есть множество мест, подходящих для Ваших интересов.

Я искренне надеюсь, что это предложение будет благосклонно принято Вами: Сенатор выразил готовность выступить посредником и гарантом успешной сделки.

Жду Вашего ответа, с бесконечным уважением

Ответа Муцио Куаттроне пришлось ждать всего один месяц.

Уважаемый мэр, Ваше письмо, как мы говорим в Риме, пришло, как сыр к макаронам.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Дара Доменико КРАТКИЙ ТРАКТАТ О СОВПАДЕНИЯХ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *А. Миро*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *М. Вислогузова, Л. Петрова*
Верстка *Е. Зеленина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.09.2026.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 2000 экз. T-IZP-39009-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака Колибри	Колибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, ви. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	«Регул» бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

